

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.6>

Пахомова Марина Александровна

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ "УЧИТЕЛЬ-УЧЕНИК" В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕТСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ О ШКОЛЕ

Статья посвящена анализу карнавализации как одного из основных механизмов создания метафоры в детской поэзии в когнитивном аспекте. В работе используется относительно малоизвестный, но перспективный метод анализа метафор в языке и тексте при помощи семантических баз. Основными целями работы являются классификация и анализ контекстов использования карнавализации в стихотворениях современных американских поэтов о школе. В результате исследования автор приходит к выводу, что в детской поэзии, помимо чисто эстетической функции, использование метафор, строящихся на принципе карнавализации, выполняет дидактическую, психотерапевтическую и социализирующую функции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 3. С. 448-458. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **Brahm O.** Die Freie Bühne in Berlin [Электронный ресурс] // Berliner Tageblatt. 1909. № 527. URL: [http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/index.php?id=55&set\[image\]=64&set\[mets\]=http://content.staatsbibliothek-berlin.de/zefys/SNP27646518-190910101-0-0-0.xml&set\[zoom\]=default&set\[debug\]=0&set\[double\]=0](http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/index.php?id=55&set[image]=64&set[mets]=http://content.staatsbibliothek-berlin.de/zefys/SNP27646518-190910101-0-0-0.xml&set[zoom]=default&set[debug]=0&set[double]=0) (дата обращения: 21.10.2018).
13. **Brahm O.** Freie Bühne für Modernes Leben [Электронный ресурс]. URL: <https://friedrichshagener-dichterkreis.de/2010/05/03/zum-beginn-1890/> (дата обращения: 21.10.2018).
14. **Brahm O.** Theater. Die Nation // Wochenschrift für Politik, Volkswirtschaft und Literatur. 1889-1890. № 7. S. 57-65.
15. **Eller C.** Intellektuelles Bordell. Drastische Sozialkritik: der Theaterskandal um Gerhart Hauptmann [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelgeschichte/d-96654027.html> (дата обращения: 21.10.2018).
16. **Erdmann K.** Über die Erstaufführung von Gerhart Hauptmanns „Vor Sonnenaufgang“ // Der Kunstwart. Rundschau über alle Gebiete des Schönen. 1889-1890. № 3. S. 37-38.
17. **Fontane T.** Gerhart Hauptmann „Vor Sonnenaufgang“ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lernhelfer.de/sites/default/files/lexicon/pdf/BWS-DEU2-0500-04.pdf> (дата обращения: 21.10.2016).
18. **Gesellhofen J.** Vor Sonnenaufgang. Soziales Drama von Gerhard Hauptmann // Monatsblätter. Organ des Vereins Breslauer Dichterschule. 1889. № 15. S. 170-176.
19. **Hahnstein A. von.** Das jüngste Deutschland. Zwei Jahrzehnte miterlebte Literaturgeschichte. Leipzig: Voigtländers Verlag, 1901. 375 S.
20. <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelgeschichte/index-2013-3.html> (дата обращения: 21.10.2018).
21. **Müller C.** Bühnenradikalismus // Der Reichsbote. 1889. 12. November.
22. **Otto Brahm – Gerhart Hauptmann. Briefwechsel 1989-1912** / hrsg. von P. Sprenkel. Tübingen: Narr, 1985. 314 S.
23. **Retemeyer E.** Freie Bühne // Kladderadatsch. 1890. № 17.
24. **Schley G.** Die Freie Bühne in Berlin. Die Vorläufer der Volksbühnenbewegung. Ein Beitrag zur Theatergeschichte in Deutschland. Berlin: Haude & Spencersche Verlagsbuchhandlung, 1967. 163 S.
25. **Sotalu S.** Vor Sonnenaufgang. Analyse eines Theaterskandals. Hamburg: Diplom.de, 2014. 23 S.
26. **Tschörtner H. D.** Ungeheureres erhofft. Zu Gerhard Hauptmann – Werk und Wirkung. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1896. 320 S.
27. **Wolzoger E. von.** Freie Bühne. Berlins Publikum und Presse über Hauptmanns Drama „Vor Sonnenaufgang“ // Die Gesellschaft. Münchener Halbmonatsschrift für Kunst und Kultur. 1889. № 5. S. 1735-1790.

**RECEPTION OF TWO THEATRICAL SCANDALS
(THE FIRST PERFORMANCE OF “THE SEAGULL” ON THE STAGE OF ALEXANDRINSKY THEATRE
AND THE FIRST PERFORMANCE OF “BEFORE SUNRISE” ON “THE FREE STAGE” IN BERLIN)**

Kiseleva Anna Sergeevna
Lomonosov Moscow State University
annaqiseleva@gmail.com

The article presents the critical survey of two theatrical scandals that occurred at the turn of the XIX-XX centuries. The paper analyses the creative work of the dramatists belonging to the “new drama” trend and proposes a cardinal new perspective for the comparative studies of their dramaturgic heritage: a retrospective view on the first performances of G. Hauptmann’s and A. Chekhov’s plays staged by O. Brahm and E. Karpov in Berlin and Petersburg. Sharply critical attitude characterizes these works, extremely different both in subject matter and scenic implementation, and clearly indicates “stagnation”, which dominated on the European and Russian stage at the turn of the centuries, and urgent necessity to renew artistic aesthetics.

Key words and phrases: G. Hauptmann; A. Chekhov; theatre; new drama; scandal; cultural happening; turn of centuries.

УДК 82; 81-2

Дата поступления рукописи: 26.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.6>

Статья посвящена анализу карнавализации как одного из основных механизмов создания метафоры в детской поэзии в когнитивном аспекте. В работе используется относительно малоизвестный, но перспективный метод анализа метафор в языке и тексте при помощи семантических баз. Основными целями работы являются классификация и анализ контекстов использования карнавализации в стихотворениях современных американских поэтов о школе. В результате исследования автор приходит к выводу, что в детской поэзии, помимо чисто эстетической функции, использование метафор, строящихся на принципе карнавализации, выполняет дидактическую, психотерапевтическую и социализирующую функции.

Ключевые слова и фразы: англоязычная поэзия; современная детская поэзия; карнавализация; стихотворения о школе; метафора; семантическая база; когнитивная теория метафоры.

Пахомова Марина Александровна
Англо-американская школа, г. Санкт-Петербург
marinapakhomova@yandex.ru

**КАРНАВАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ «УЧИТЕЛЬ-УЧЕНИК»
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДЕТСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ О ШКОЛЕ**

Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что в современной лингвистике исследования метафоры касаются не столько ее стилистической функции в тексте, сколько ее роли в когнитивных процессах.

В частности, анализ и декодирование метафор в процессе чтения текстов помогают юным читателям при постижении ими окружающего мира и социализации. Целью настоящей работы является рассмотрение **карнавализации** – одного из наиболее распространенных механизмов метафоризации, присущих детской литературе в целом – на материале стихотворений современных американских поэтов. В работе используется метод анализа метафор в тексте и языке при помощи **семантических баз** (см. далее), представляющийся нам перспективным в аспекте исследования декодирования текстовых метафор путем сопоставления с окружающей читателя реальностью, познаваемой им при помощи ценностных суждений. В задачи исследования входят: анализ текстов путем вычленения в них элементов, как входящих в семантическую базу, так и подрывающих ее, изучение особенностей использования приема карнавализации в каждом конкретном стихотворении, классификация контекстов использования карнавализации и осмысление связи ситуаций, описываемых в стихотворениях, с ситуациями из текстов, описывающих обыденную реальность (материалы поисковых систем сети Интернет, фиксирующие живую речь).

Детская поэзия, помимо собственно эстетической ценности, несет четко выраженную дидактическую нагрузку, тесно связанную с педагогическими концепциями, современными написанию данного стихотворения. Современная англоязычная детская литература формирует у юных читателей такие ценности, как умение делать выбор и брать ответственность за свои поступки, способность самостоятельно решать проблемы, критическое мышление [7; 8; 21; 22]. Подросток, осваивающий окружающий мир, сталкивается с рядом ситуаций, вызывающих когнитивный диссонанс, создающих психологический дискомфорт или являющихся источником конфликта. Основным источником конфликтов и дискомфорта для подростка – школьная жизнь, необходимыми элементами которой являются принуждение, требование соблюдать дисциплину, необходимость строить отношения с учителями и одноклассниками (что не всегда вызывает положительные эмоции и требует интеллектуальных и душевных усилий), выполнять задания, смысл которых не всегда очевиден. Поэтому задача современной детской литературы, в том числе поэзии – продемонстрировать, что, как правило, все проблемы подобного рода являются решаемыми [21]. В поэтическом тексте эта демонстрация происходит не напрямую, а иносказательно, через метафоризацию как основной способ организации поэтического текста – таким образом, при чтении стихотворения юный читатель совершает ряд когнитивных операций по декодированию заложенной в нем метафоры (которая реализуется на основе целостного текста в процессе его чтения и дальнейшего осмысления). Декодирование происходит благодаря тому, что поэтический текст строится на ценностных суждениях, сформированных на основе опыта индивида и заложенных в его сознании как ряд стандартных ситуаций [3]. Под ценностным суждением как структурной единицей поэтического текста И. В. Толочин понимает «стабильную словесную ситуативную модель, определяющую зависимость степени самоудовлетворенности индивида от характера осуществляемых действий в заданных ситуативных рамках» [4, с. 195]. В дальнейшем подобного рода ценностные суждения, необходимые для понимания поэтического текста, мы будем называть **семантическими базами**. Семантическая база в тексте реализуется в виде иерархически организованной системы языковых единиц (именуемых в дальнейшем **маркеры**). Прочие структурные элементы текста (**иносказательные** и **ключевые**) вступают с семантической базой в конфликтные отношения, благодаря чему становится возможным раскрытие метафоры.

Вычленение элементов семантической базы из текстов производится прежде всего за счет сопоставления данных текстов с примерами живой повседневной речи, доступными в том числе в языковых корпусах и материалах поисковых систем (например, Google). Важность использования языковых корпусов для анализа метафор с когнитивной точки зрения отмечается в современных исследованиях [9].

Как было показано в нашей статье [2], одним из наиболее типичных приемов метафоризации, основная цель которой – разрешение конфликтной ситуации, в англоязычной детской поэзии является абсурдизация как частный случай создания комического эффекта. Одним из приемов абсурдизации является **карнавализация**. Термин «карнавализация», введенный М. М. Бахтиным [1], употребляется здесь в упрощенном значении (сознательное переворачивание иерархических отношений, демонстрация вышестоящих членов иерархии в фамильярном и комическом ключе). Так как наиболее распространенная ситуация школьной жизни – это общение в рамках взаимоотношений «учитель-ученик» (вариант – «директор-ученик»), где конфликт и дискомфорт возникают за счет необходимости для подростка вписываться в иерархические отношения, подчиняться, испытывать страх наказания и претерпевать стеснение своей свободы, то трудно переоценить психотерапевтическую ценность карнавализации в стихотворениях, адресованных школьникам.

Среди стихотворений о школьной жизни, в которых используется прием карнавализации, отчетливо выделяется тематическая группа, которую составляют стихотворения, где лирический герой с первого взгляда кажется учеником (причем не самым послушным и прилежным), но на самом деле оказывается учителем или директором школы. Он попадает в ситуации, типичные именно для школьника, нередко конфликтные, и пытается искать выход из них теми же способами, что и обычный школьник.

Наиболее распространенная ситуация в данных стихотворениях – признание или уличение персонажа в поведении, не подобающем его статусу. Так, в стихотворении Кена Несбитта *Bed Head* (букв. «взлохмаченные, как после сна, волосы») героиня, которая не в состоянии справиться со своей прической, оказывается учительницей – представительницей профессии, предусматривающей умение держать ситуацию под контролем и поддерживать дисциплину.

I can't do a thing with my hairdo.
I've tried, but it's simply no use.
I can't make it stay where I put it today
with styling gel, hair spray, or mousse.

No bobby pin, brush, or bandanna
can get my hair under control.
I've tried every comb, every clip in my home
and covered my head with a bowl.

I've tried using forks in frustration.
I've tried using pickers and picks.
I've tried using straps; I've tried headbands and caps.
I've even tried shoestrings and sticks.

Regardless of how I attack it,
I simply cannot make it stay.
I guess I can't win, so I'll have to give in
and look like my students today [18]. /

Я ничего не могу поделать со своей прической. Я пыталась, но в этом просто нет смысла. Я не могу заставить ее держаться при помощи парикмахерского геля, спрея для волос или мусса. Ни шпильки, ни щетки, ни повязки не могут держать мои волосы под контролем. Я перепробовала все гребешки и зажимы в доме и надела на голову миску. Я в отчаянии пыталась использовать вилки, я пыталась использовать кочерги и спицы; я пользовалась стропами, я пользовалась лентами и шапками, я даже использовала шнурки для обуви и палки. Я борюсь с волосами и так, и сяк, но удержать их просто невозможно. Наверно, успеха мне не добиться, так что приходится сдаться и выглядеть, как мои ученики (здесь и далее перевод автора статьи. – М. П.).

Стихотворение строится на противопоставлении *"I can't"* (с него начинается стихотворение) и *"I've tried"* (с него начинается вторая строка), что подчеркивает невозможность героини справиться с ситуацией (она старается, но у нее уже нет сил). В последней строфе неспособность героини контролировать ситуацию подчеркнута повторением: *"I simply cannot make it stay. I guess I can't win"*.

Маркеры семантической базы относятся здесь не столько к собственно школе, сколько к нормам общепринятого в целом (к которым приучает школа): чтобы быть социально приемлемым, нужно иметь определенную внешность, порой далекую от природной, применять насилие к собственной сущности. При этом по отношению к своим волосам лирическая героиня стихотворения употребляет выражения, более применимые к коллективу подчиненных или учительницы по отношению к школьному классу (что дает возможность догадаться о ее профессии еще до того, как прочитана последняя строфа): *to get under control*. Таким образом, обращение героини с волосами становится метафорой взаимоотношений в коллективе.

Основные иносказательные элементы собраны здесь во второй половине второй строфы и в третьей строфе (перечисляются предметы, совершенно не подходящие для делания прически), причем их важность подчеркнута использованием анафоры: *"I've tried using forks in frustration. I've tried using pickers and picks. I've tried using straps... I've even tried shoestrings and sticks"*. Это также маркеры базы «Дом и семья» (наименования предметов домашнего обихода: посуда, столовые приборы, другая кухонная утварь, детали одежды, не относящиеся к головным уборам), однако они выступают здесь как части иносказательных элементов, так как употреблены в непривычном контексте, что переносит понимание на метафорический уровень.

Ключевой элемент – последняя строфа: *"...so I'll have to give in and look like my students today"*. Здесь эталоном поведения выступает школьник (student), однако героиня-учительница, хотя и рассматривает уподобление своим ученикам в плане небрежности внешнего вида как поражение (*"I guess I can't win, so I'll have to give in"*), но все же не видит в этом ничего недопустимого. Школьник-подросток, не вступающий со своей внешностью в неравный бой (а значит, и не терпящий поражения), выступает как персонификация житейской мудрости и внутренней свободы.

Стихотворение Брюса Лянски *Confession* («Признание», «Исповедь») – тоже признание лирического героя-учителя в неспособности соответствовать своему статусу постоянно. Это монолог, в котором он с нарочито преувеличенным чувством раскаяния исповедуется в прегрешениях против морали, однако весь его «грех» – это позволение некоторой свободы наедине с собой, отдых в домашней обстановке от жесткой дисциплины.

I have a brief confession
that I would like to make.
If I don't get it off my chest
I'm sure my heart will break.

I didn't do my reading.
I watched TV instead –
while munching cookies, cakes, and chips
and cinnamon raisin bread.

I didn't wash the dishes.
I didn't clean the mess.
Now there are roaches eating crumbs –
a million, more or less.

I didn't turn the TV off.
I didn't shut the light.

Just think of all the energy
I wasted through the night.

I feel so very guilty.

I did a lousy job.

I hope my students don't find out
that I am such a slob [16]. /

Я хотел бы совершить краткую исповедь. Если я не выскажусь, то я уверен, что мое сердце разорвется. Я не готовился к занятиям – вместо этого я смотрел телевизор, пожирая печенье, кексы, чипсы и рулет с корицей и изюмом. Я не вымыл посуду, я не убрал за собой, и теперь там тараканы грызут крошки – миллион или около. Я не выключил телевизор, я не погасил свет. Только подумайте, сколько электроэнергии я потратил впустую за ночь. Я чувствую себя таким виноватым. Я так скверно поступил. Надеюсь, мои ученики не узнают, что я такой разгильдяй.

Это стихотворение строится по тем же принципам, что и стихотворение “Bed Head”: организация по принципу эффекта обманутого ожидания, повествование от первого лица, гиперболизация. При этом эффект обманутого ожидания здесь двойной (содержание первой строфы – содержание последующих строф и содержание второй-четвертой строф – финальные строки). Такая композиционная организация поддерживается использованием риторических приемов (в данном случае – анафоры: вторая, третья и четвертая строфы начинаются с *I didn't*, а в третьей и четвертой строфах *I didn't* повторяется дважды). В этом стихотворении постоянно сопоставляются план настоящего (“*I have a brief confession...*”, “*Now there are roaches eating crumbs...*”, “*I feel so very guilty*”), ассоциирующийся с угрызениями совести героя и осознанием собственной греховности, план предполагаемого будущего (грозящего герою катастрофой – либо смертью от угрызений совести, либо скандалом) и план прошедшего (“*I didn't do my reading. I watched TV instead*”; “*I didn't wash the dishes. I didn't clean the mess*”; “*I didn't turn the TV off. I didn't shut the light*”), ассоциирующийся с приятным времяпрепровождением и несоблюдением правил (антиповедение героя подчеркивается употреблением отрицаний).

Первое четверостишие стихотворения подразумевает что-то очень серьезное и важное, но после прочтения стихотворения целиком становится очевидно, что здесь на самом деле ирония: герой наслаждается тем, что улутил момент нарушить правила и побыть самим собой, и не столько притворно кается, сколько хвастается.

В качестве иносказательных элементов здесь тоже употребляются маркеры базы «Дом и семья»: “*I watched TV*”, “*munching cookies, cakes, and chips and cinnamon raisin bread*”, “*I didn't wash the dishes*”, “*I didn't turn the TV off. I didn't shut the light*”. То есть герой делает то, что с точки зрения правил хорошего тона делать не следует (ест у телевизора), и не делает того, что он должен делать (не поддерживает чистоту в доме, не экономит электроэнергию). Так, *watching TV*, согласно данным Google, применительно к детям и подросткам воспринимается взрослыми участниками коммуникации как нечто предосудительное, нуждающееся в ограничении, вредное, причем не только для растущих организмов, но и для самих взрослых, о чем весьма красноречиво говорят заголовки интернет-публикаций: *Top 10 Reasons You Should Stop Watching TV* [6]. / Десять причин прекратить смотреть телевизор; *Ten Reasons to Watch Less Television* [5]. / Десять причин меньше смотреть телевизор; *Why do some parents park their children in front of TVs* [28]? / Почему некоторые родители оставляют детей перед телевизором?; *Children under 5 should not watch TV alone* [10]... / Дети моложе 5 лет не должны смотреть телевизор одни...; *Children lose seven minutes of sleep for every hour of TV they watch* [15]. / Дети теряют семь минут сна за каждый час просмотра телепередач; *People who watch violent television more likely to be aggressive* [24]. / Более вероятно, что люди, которые смотрят телепередачи с демонстрацией насилия, агрессивны.

Преувеличенные последствия одноактного нарушения героем правил – нашествие тараканов из-за невымытой посуды и неубранных крошек – отсылают юного читателя к назидательной детской литературе более раннего времени (например, к книге Ф. Красиловски “*The Man Who Didn't Wash His Dishes*” («Человек, который не мыл посуду») (1950)).

В качестве ключевых элементов здесь можно рассматривать то, что связано с планом предполагаемого будущего (преувеличенное сокрушение героя о его проступках, которые в обыденной жизни не всегда воспринимаются как проступки; преувеличение масштабов последствий этих проступков): “*I have a brief confession that I would like to make. If I don't get it off my chest I'm sure my heart will break*”; “*I hope my students don't find out that I am such a slob*”. При этом, как сказано ранее, здесь наблюдается ирония: лирический герой вполне доволен сложившимся положением дел. Поведение лирического героя является недопустимым для взрослого, однако с точки зрения школьника (student) в нем нет ничего, достойного порицания. Таким образом, раскаяние лирического героя – мнимое, и под маской раскаяния он выражает свое право вести себя дома так, как ему хочется.

Проблема, ставящаяся в стихотворении: у каждого человека есть слабости, невозможно следовать навязываемым извне правилам поведения постоянно, и если эти слабости иногда демонстрируют даже те взрослые, в профессиональные обязанности которых входит соблюдение правил и требование соблюдения этих правил от нижестоящих членов иерархии (например, учеников), то школьник тем более не должен испытывать чувство вины, если у него не всегда получается быть дисциплинированным. Достаточно того, что он знает о существовании норм поведения и стремится поступать так, как следует.

В стихотворении Кена Несбитта *Falling Asleep in Class* («Сон в классе») лирический герой-учитель совершает куда более серьезную оплошность с точки зрения дисциплины, причем на глазах у учеников, однако это не вызывает у него ни малейшего раскаяния, даже притворного, хотя ситуация показана как некрасивая во всех смыслах.

I fell asleep in class today,
as I was awfully bored.
I laid my head upon my desk
and closed my eyes and snored.

I woke to find a piece of paper
sticking to my face.
I'd slobbered on my textbooks,
and my hair was a disgrace.

My clothes were badly ruffled,
and my eyes were glazed and red.
My binder left a three-ring
indentation in my head.

I slept through class, and probably
I would have slept some more,
except my students woke me
as they headed out the door [19]. /

Я сегодня уснул в классе, потому что страшно устал. Я положил голову на парту, закрыл глаза и захрапел. Я проснулся и увидел, что у меня к лицу прилип клочок бумаги. Я обслюнявил учебники, и мои волосы пришли в беспорядок. Моя одежда безобразно смялась, глаза помутнели и покраснели. У меня на голове осталась тройная вмятина от папки с кольцами. Я проспал весь урок и, вероятно, поспал бы еще, но меня разбудили ученики, ринувшиеся вон из класса.

Согласно данным Google, спящие на занятиях школьники или даже студенты вузов – достаточно типичная ситуация для англо-американской системы образования. На сайтах и форумах, посвященных полезным советам, одна из весьма активно обсуждаемых тем – *“How to Avoid Falling Asleep in Class”* («Как избежать засыпания в классе»). При этом, судя по обсуждениям, преподаватели зачастую относятся к таким нарушителям дисциплины с сочувствием и юмором, понимая, что сон в аудитории может быть следствием недосыпания или учебной перегрузки, и стараются обратить неловкую ситуацию в шутку.

Once, when I was a young professor teaching a small physics class, one of my students had his head on the desktop fast asleep. I knew him well enough to know that he had been working on a research problem – and probably all night. So I didn't want to disturb him [27]. /

Однажды, когда я был молодым преподавателем, ведущим занятия по физике в небольшой группе, один из моих студентов крепко спал, положив голову на рабочий стол. Я достаточно хорошо был с ним знаком, чтобы знать, что он работал над исследовательской проблемой – и, возможно, всю ночь. Так что я не хотел его беспокоить.

The professor finds a student in the second row dozing off and goes silent for a brief moment. Realizing that the professor is looking at him, a boy sitting beside him elbows him awake.

The Professor to the Student who was found sleeping: “Have you heard of the movie ‘Sleeping with the Enemy’?”

The student, embarrassed, mumbles a “Yes”.

Professor: “I watched that movie long back. And today I watched Sleeping in Front of the Enemy!” The class starts laughing [11]. /

Преподаватель обнаруживает, что студент во втором ряду дремлет, и на некоторое время замолкает. Юноша, сидящий за ним, понимает, что преподаватель смотрит на спящего, и тычет его локтем, чтобы разбудить.

Преподаватель, обращаясь к студенту, который спал: «Вы знаете такое кино – “В постели с врагом”?».

Обескураженный студент мямлит: «Да».

Преподаватель: «Я смотрел это кино когда-то давно. А сегодня посмотрел “В постели перед носом у врага”!» Класс разражается смехом.

The teacher woke me up when the class ended. I was pretty mortified and I was sure she'd yell at me, but she was like 'Nah, we studied some stupid shit today so I'd figured I'll let you sleep'. Best. Teacher. Ever [Ibidem]. /

Учительница разбудила меня, когда урок кончился. Я просто остолбенела и была уверена, что она на меня наорет, а она: «А, мы сегодня проходили какую-то муть, так что я решила тебя не будить!» Лучшая учительница в мире!

Но даже если учителя и не наказывают спящих в классе, сами пережившие подобный опыт испытывают чувство стыда и стараются оправдаться (что это случилось от усталости, или по состоянию здоровья, или оба фактора оказались совместным эффектом).

Более того, судя по данным Google, описанная в стихотворении Несбитта ситуация встречается в реальности: *Today, I fell asleep in class. I'm the teacher; I've already given students detention for falling asleep in class this year. FML [26]. /* Сегодня я уснул в классе. Я учитель; я в этом году уже наказывал учеников за то, что они спят на уроках. Один из комментариев к этому посту гласит: *Typical teacher... typical in the sense that they break their own rules. All my teachers have a no gum/food/drink policy. Yet they all come to class with all 3. I had to throw out my water bottle :([Ibidem]. /* Типичный учитель... типичный в смысле нарушает собственные правила. Все мои учителя запрещают вносить в класс жвачку, еду, питье. А сами являются туда со всем этим сразу. Мне пришлось выкинуть бутылку с водой :(.

Таким образом, учителя, нарушающие собственные правила, – это не только персонажи детской поэзии, но и реальные люди. Однако нарушение ими правил в реальности воспринимается прежде всего как лицемерие (они наказывают учеников за то, что позволяют себе сами).

Маркеры в данном стихотворении содержатся в первом четверостишии: *“I fell asleep in class today, as I was awfully bored. I laid my head upon my desk and closed my eyes and snored”*. Элементы, содержащиеся во втором и третьем четверостишиях, тоже могут быть приняты за маркеры, но это иносказательные элементы, так как в них выражается рефлексия персонажа по поводу случившегося (*to find a piece of paper sticking to my face; I'd slobbered on my textbooks; my hair was a disgrace; my clothes were badly rumpled; my eyes were glazed and red; my binder left a three-ring indentation in my head*). Персонаж описывает себя со стороны в неприглядном виде (красные глаза, текущая слюна, взъерошенные волосы); он словно теряет лицо, нарушив дисциплину (и его внешность действительно искажается: прилипшая к лицу бумажка, вмятины на голове от папки с кольцами и т.д.). То, что это иносказательные элементы и что это речь взрослого человека, а не ребенка, видно по использованию специфической книжной лексики (*disgrace, indentation*), а также таких редких в детской поэзии приемов, как анжамбман (стихотворная строка разбивает предложения и даже отдельные слова: *“I woke to find a piece of pa/per sticking to my face. My binder left a three-ring in//dentation in my head*) и анакруса (*I'd slobbered on my textbooks, // and my hair was a disgrace. My clothes were badly rumpled, // and my eyes were glazed and red”*).

Ключевой элемент содержится в последнем четверостишии: *“...and probably I would have slept some more, except my students woke me as they headed out the door”*. Таким образом, единственное, о чем персонаж жалеет на самом деле, – то, что убегающие на перемену ученики не дали ему спать столько, сколько он хотел бы (и его самоуничижение при описании собственного искаженного сном облика во многом такое же притворное, как и сокрушения героя стихотворения Лянски по поводу своей лени и неряшливости); более того, его сон в классе никак не сказался на самом учебном процессе (так как ученики начали шуметь только по окончании урока и даже, кажется, не заметили, что учитель спит).

Проблема, ставящаяся в стихотворении: хотя учителя требуют соблюдения дисциплины, на самом деле дисциплина не является самоцелью; даже учителя могут проявлять слабость (как это показано и в предыдущем стихотворении), причем не только наедине с собой, и совершать нарушения, хотя и понимают, что ведут себя неправильно, – таким образом, не следует испытывать чувство вины, если не всегда получается вписываться в навязываемые извне строгие рамки, которые на самом деле не всегда настолько строги, насколько кажутся.

В стихотворении Б. Лянски *“My Teacher Loves Her iPod”* («Моя учительница любит свой айпод») героиня-учительница, в отличие от героя стихотворения Несбитта, совершает проступок осознанно (не от усталости и не по болезни) и получает взыскание от директора.

My teacher loves her iPod.
It's always in her ear.
She doesn't mind it if we joke
or chat 'cause she can't hear.

If we don't pay attention,
she doesn't seem to care.
Whenever she has music on,
she wears a distant stare.

Our principal dropped by one day,
and she paid no attention.
He took away her iPod,
and he sent her to detention [17, p. 43]. /

Моя учительница любит свой айпод. Она его все время слушает в наушниках. Она не обращает внимания, когда мы веселимся или болтаем, потому что она не слышит. Если мы не обращаем внимания, кажется, ей все равно. Всякий раз, как она включает музыку, у нее взгляд делается отстраненным. Как-то зашел директор, а она ноль внимания. Он отнял у нее айпод и оставил ее после уроков.

Маркерами семантической базы являются *loves her iPod, we joke or chat; she doesn't seem to care; took away her iPod, sent her to detention*. Если отвлечься от того, что героиня – учительница, то в стихотворении описывается поведение типичной недисциплинированной школьницы, слишком увлеченной музыкой и не обращающей внимания на окружающих.

Иносказательные элементы (*My teacher loves her iPod, it's always in her ear; she doesn't mind it... 'cause she can't hear; we don't pay attention; whenever she has music on, she wears a distant stare*) подчеркивают отстраненность героини от мира, ее замкнутость в себе, что воспринимается как аномалия. Постоянство этого состояния подчеркивается употреблением наречий *always, whenever*.

Ключевым элементом является финальное четверостишие. Важность этого элемента подчеркивается сменой временного плана (неопределенное историческое настоящее – точное конкретное прошедшее, Simple Past), отмечающей резкий поворот событий (дурная бесконечность, устроенная учительницей-меломанкой, прерывается вмешательством извне). Наказание, которому подвергается учительница, также более типично для школьницы, но здесь содержится своеобразный ответ на обвинения учителей в лицемерии: директор играет в данной истории роль античного рока, слепого и беспристрастного, причем героиня сама виновата в том, что с ней произошло (*she paid no attention*).

Проблема, ставшаяся в данном стихотворении: слабости дозволительны, но следует знать меру, и необходимость соблюдать правила и выполнять должностные обязанности существует как для школьников, так и для учителей.

Еще одна ситуация, типичная для стихотворений данной группы, – симуляция болезней преподавателями или школьной администрацией. Так, учитель – герой стихотворения Кена Несбитта *“I’m Staying Home from School Today”* («Я сегодня не иду в школу») – не желает идти на работу и прокручивает в уме целый стратегический план, как он притворится нездоровым.

I’m staying home from school today.
I’d rather be in bed,
pretending that I have a pain
that’s pounding in my head.

I’ll say I have a stomachache.
I’ll claim I’ve got the flu.
I’ll shiver like I’m cold and hold
my breath until I’m blue.

I’ll fake a cough. I’ll fake a sneeze.
I’ll say my throat is sore.
If necessary, I can throw
a tantrum on the floor.

I’m sure I’ll get away with it.
Of that, there’s little doubt.
But even so, I really hope
my students don’t find out [20]. /

Сегодня я дома и не иду в школу, побуду-ка я в постели и притворюсь, что у меня от боли раскалывается голова. Я скажу, что у меня болит живот. Я скажу, что у меня грипп. Я буду трястись, как будто замерз, и задержу дыхание, пока не посинею. Я симулирую кашель. Я симулирую насморк. Я скажу, что у меня болит горло. Если нужно, могу побиться в конвульсиях на полу. Я уверен, что справлюсь. В этом мало сомнений. Но даже если и так, надеюсь, что мои ученики про это не узнают.

В стихотворении противопоставляются план настоящего (реальность) и план будущего (планы лирического героя).

Маркерами семантической базы здесь являются *I’m staying home from school today, pretending that I have a pain that’s pounding in my head, I have a stomachache, I’ve got the flu, my throat is sore, fake a cough, fake a sneeze*. С одной стороны, оставаться дома и не посещать школу из-за болезни – типичная ситуация; с другой – не менее типична и симуляция болезни. Существуют целые страницы в англоязычном Интернете, где содержатся шуточные советы, как правильно симулировать кашель, насморк и другие симптомы:

So you have an event approaching in school that you want to miss. Whether it’s a big exam or the mile run in gym, you just can’t stand the thought of it. The easiest way out is to fake sick, right? That can work, but it’s important to start foreshadowing your illness in the days approaching the event. By faking a cough in school, it’ll be more realistic and believable when you stay home for a full-blown “sickness” [13]. /

Итак, в школе грядет некое событие, которое вы хотели бы пропустить. Неважно, большой экзамен это или забег на милю в физкультурном зале, главное – что от одной мысли об этом вам дурно. Самый легкий выход из положения – притвориться больным, верно? Это подействует, но важно начать изображать, что вы заболели, в дни, предшествующие событию. Если симулировать кашель в школе, это будет более реалистично и достоверно, когда вы останетесь дома с «болезнью» в полном разгаре.

One of the easiest symptoms to fake is a cough. Everyone can cough and clear his throat on cue but you have to make sure your cough is convincing. Pretend cough may get you out of an embarrassing situation if the other person believes you are really coughing [12]. /

Один из простейших симптомов – симуляция кашля. Все умеют кашлять и прочищать горло намеренно, но придется удостовериться, что вы кашляете убедительно. Притворный кашель может вывести вас из затруднительного положения, если другой человек подумает, что вы кашляете взаправду.

How to Fake Sneeze? A fake sneeze is one of the most well-known strategies in trying to fake a cold. The fake sneeze is one of the easiest tactics anyone could use, and when you sneeze repeatedly or sneeze and have a runny eyes [sic!] and watery eyes, people will think you’re sick [14]. /

Как симулировать насморк? Симулировать насморк – одна из наиболее известных стратегий при попытке симулировать простуду. Симуляция насморка – одна из простейших в использовании тактик, и если вы периодически чихаете или вы чихаете и у вас течет [из носа] и слезятся глаза, то люди подумают, что вы больны.

Иносказательными здесь являются элементы, переводящие выраженные маркерами действия в план гипотетического будущего: *I’ll say I have a stomachache. I’ll claim I’ve got the flu. I’ll shiver like I’m cold and hold my breath until I’m blue. I’ll fake a cough. I’ll fake a sneeze. I’ll say my throat is sore. If necessary, I can throw a tantrum on the floor*. Применяются параллельные конструкции (*I’ll say I have a stomachache; I’ll claim I’ve got the flu*), подкрепленные использованием синонимов (*I’ll say, I’ll claim*) и анафорой (*I’ll fake a cough; I’ll fake a sneeze*). Перечисление симптомов мнимой болезни строится по принципу градации,

от обычных и правдоподобных (боль в животе, боль в горле) до подчеркнуто театральных и абсурдных (симуляция припадка). То есть герою даже интереснее не симулировать саму болезнь, а сочинять сценарий наиболее эффектной, по его мнению, симуляции.

Ключевым элементом является, как и в большинстве случаев, финал стихотворения: *"I'm sure I'll get away with it. Of that, there's little doubt. But even so, I really hope my students don't find out"*. То есть герой не вполне уверен в успешном завершении своей хитрости, и единственное, на что он надеется, – что об этом не узнают его ученики (причем не узнают даже не о самой симуляции, а о ее провале), и, следовательно, ему удастся избежать позора. Таким образом, проблема данного стихотворения – бесполезно измышлять хитроумные планы по уклонению от выполнения своих непосредственных обязанностей, а лучше просто делать то, что должно.

Симулянтom оказывается и директор школы из стихотворения Дайаны Шор *"Get Out of Bed!"* («Марш из кровати!»). При этом его первая попытка (симулировать головную боль) оказывается удачной, но вторая (изобразить грипп) терпит крах.

"Get out of bed, you silly fool!
Get up right now, it's time for school.
If you don't dress without a fuss,
I'll throw you naked on the bus!"

"Oh, Mom, don't make me go today.
I'm feeling worse than yesterday.
You don't know what I'm going through.
I've got a strange, rare case of flu.

My body aches, my throat is sore.
I'm sure I'm knocking on death's door.
You can't send me to school – achoo! –
'Cause everyone could get it, too.

Besides, the kids despise me there.
They always tease and always stare.
And all the teachers know my name.
When something's wrong, it's me they blame".

"You faked a headache yesterday.
Don't pull that stuff on me today.
Stop acting like a silly fool –
The principal cannot skip school!" [25]. /

Марш из кровати, олух! Вставай живо, пора в школу! Если не оденешься без капризов, я тебя закину в школьный автобус голого! – Ну, мама, не заставляй меня сегодня идти в школу, мне сегодня хуже, чем вчера. Ты не знаешь, что со мной творится; у меня какой-то странный и редкий грипп. Тело ноет, горло болит, и кажется, что я у порога смерти. Ты не имеешь права отправлять меня в школу, – апчхи! – потому что тогда заразятся и все остальные. Кроме того, дети меня там презирают, они все время дразнятся и плятятся на меня, и все учителя меня знают, чуть что не так – виноват я! – Ты уже изображал головную боль вчера, второй раз меня на этом не проведешь! Хватит вести себя как олух: директор не может (не имеет права) прогуливать школу!

Стихотворение, в отличие от большинства текстов данной группы, строится как диалог лирического героя и его матери, причем мать использует агрессивные речевые стратегии (приказания, угрозы), а герой занимает пассивную позицию.

Маркерами семантической базы «Школа» здесь являются: *it's time for school; dress without a fuss; send me to school; my throat is sore; the kids despise me there; all the teachers know my name; when something's wrong, it's me they blame; faked a headache; skip school*. Данные маркеры в совокупности создают портрет ученика с явными школьными проблемами (он не может собраться в школу без скандалов, не умеет строить отношения с товарищами и учителями и поэтому является объектом травли и т.д.). Индикаторные элементы данного стихотворения касаются темы страданий и плохого самочувствия: *I'm feeling worse than yesterday. You don't know what I'm going through. I've got a strange, rare case of flu; I'm sure I'm knocking on death's door*. Но если в стихотворении *I'm Staying Home from School Today* герой только строит планы, то здесь герой их воплощает в жизнь (и сначала безуспешно, если упомянутая матерью попытка симулировать головную боль удалась). Герой гиперболизирует свои муки (*I'm knocking on death's door*), причем показательно: он активно употребляет глаголы в форме Present Continuous, подчеркивая свое состояние в данный конкретный момент. В его речи противопоставляются план непосредственного настоящего (мнимые телесные недуги, якобы одолевающие его в данный момент) и план регулярно повторяющихся действий (выраженных Present Simple), доставляющих ему постоянное (и неподдельное) душевное страдание (*Besides, the kids despise me there. They always tease and always stare. And all the teachers know my name. When something's wrong, it's me they blame*). Таким образом, жалоба героя матери наполовину лжива, наполовину правдива, и разделение истины и лжи маркировано грамматически.

Ключевым элементом является финальная реплика матери героя: *"Don't pull that stuff on me today. Stop acting like a silly fool – The principal cannot skip school!"*. Выражение *silly fool* / (дурак, олух) употребляется

в стихотворении два раза: в первой и предпоследней строке. Но если в первом случае героя так обзывают прямо (как выясняется, за то, что он пытается снова обмануть мать, которая, однако, его разоблачает), то во втором как “silly fool” охарактеризован уже не сам герой, а любой, кто думает, что можно при помощи симуляции уклониться от решения собственных проблем (*acting like a silly fool*).

Проблема этого стихотворения: нельзя укрыться от выполнения своих непосредственных обязанностей и устранения трудностей. Высказывание *The principal cannot skip school* (директор не должен прогуливать школу) здесь приобретает характер пословицы: тот, кто за что-то отвечает, не имеет морального права бросать свое дело на произвол судьбы и перекладывать ответственность на других.

Директор выглядит пассивной жертвой обстоятельств и откровенно инфантильным и в стихотворении Пола Оршоки “*It’s Finally Friday*” («Наконец-то пятница»).

It’s finally Friday – I’m so glad.
It’s been a crazy week.
I got chewed out on Monday,
and since then it’s all been bleak.

I lost my lunch on Tuesday,
and a parent went insane,
which shocked me so completely
that I almost popped a vein.

I poked my eye on Wednesday,
and the nurse gave me a shot.
She sent me to the doctor
when I fainted on the spot.

On Thursday I was tardy
'cause I kinda overslept.
And the snack that I was craving
came up missing in a theft.

And so it’s finally Friday.
No more pencils, no more books.
No more sitting in detention,
no more teachers’ dirty looks.

By Friday I’m exhausted,
out of energy and breath.
But that’s the day you’ll hear me shout,
“Rejoice, TGIF!”

And twice a month on Friday,
I remember why I stay:
You see, I am the principal –
that’s when I get my pay [23]. /

Наконец-то пятница – я так рад, это была безумная неделя. Я вымотался уже в понедельник, и с тех пор все было как в тумане. Я потерял коробку с ланчем во вторник, и явился разгневанный родитель, и это меня так потрясло, что меня чуть удар не хватил. В среду я повредил глаз, и медсестра сделала мне укол. Когда я тут же упал в обморок, она послала меня к врачу. В четверг я опоздал, так как немножко проспал. А снэк, который я так хотел съесть, кто-то утащил. И вот наконец-то пятница, никаких карандашей, никаких книг, никакого сидения после уроков, никаких мерзких учительских взглядов. К пятнице я совсем измучен, выбился из сил и почти бездыханный, но в этот день я радостно кричу: «Ура, слава богу, пятница!». И дважды в месяц по пятницам я вспоминаю, зачем я все еще здесь: я, знаете ли, директор, и в эти дни я получаю зарплату.

Маркерами семантической базы «Школа» в данном стихотворении являются: *It’s been a crazy week, I lost my lunch, a parent went insane, the nurse gave me a shot, I was tardy, the snack that I was craving came up missing in a theft, sitting in detention, I’m exhausted, out of energy and breath*. Впрочем, большинство этих маркеров могут относиться и к семантическим базам, касающимся взрослой жизни («Офис», «Работа»): опаздывать или носить с собой контейнеры с едой могут не только школьники. О том, что это стихотворение про школьную жизнь, и о том, что повествование, вероятнее всего, ведется от лица подростка, читатель может предположить, скорее, по языку лирического героя, который активно пользуется разговорными и сленговыми выражениями, такими как *I got chewed out, I almost popped a vein, the nurse gave me a shot* (вместо *injection*), *I kinda overslept, TGIF*. Но так как герой, как потом выясняется, директор школы, эти разговорно-просторечные элементы становятся иносказательными. Кроме того, в качестве иносказательных здесь выступают элементы стилизации под фольклор и цитаты из фольклора (в данном случае школьного) – например, строки из песенки *No more pencils, no more books, // No more teachers’ dirty looks*.

Ключевым элементом является финальное предложение: “*And twice a month on Friday, I remember why I stay: You see, I am the principal – that’s when I get my pay*”. То есть и радость героя от того, что скоро выходные, и его смирение с собственными страданиями имеют вполне прагматическое объяснение. При этом,

как и в прочих стихотворениях данной группы, благодаря эффекту обманутого ожидания описанные в стихотворении неприятные ситуации получают совершенно иное объяснение, и причинно-следственные связи в них могут быть интерпретированы иначе, чем при первом прочтении. Так, разгневанный родитель, который чуть не доводит героя до инфаркта, оказывается не его собственным, а чужим, – скорее всего, пришедшим разбираться со школьными проблемами своего ребенка, а инцидент в медицинском кабинете с падением героя в обморок при виде шприца приобретает дополнительный комический оттенок. Упоминаемые героем *teachers' dirty looks* объясняются тем, что подчиненные досаждают ему как руководителю своими проблемами (видимо, и *pencils* и *books* – это аллюзия на материальное обеспечение учебного процесса, за которое тоже отвечает директор). *Sitting in detention* – это не то, что претерпевает сам герой, а то, что он делает с провинившимися, но распределение наказаний, входящее в его обязанности, для него не менее неприятно, чем для наказанных.

Проблема этого стихотворения: директор школы – живой человек, он тоже когда-то был школьником, у него тоже бывают неудачи, он не всегда способен быть сильным и мужественным, и ему не доставляет удовольствия проявлять власть, а значит, взаимопонимание с учителями и школьной администрацией вполне реально. Кроме того, в любой тяжелой ситуации всегда есть позитивная сторона (герой стихотворения получает за свою нервную работу деньги). Так как пятница – не только последний рабочий день недели, но и день выдачи зарплаты, то есть присутствует двойная компенсация за страдания героя, заглавие стихотворения приобретает дополнительный смысл (как в любой неделе бывает пятница, так и за любые страдания будет вознаграждение).

Таким образом, карнавализация образов взрослых, выполняющих функцию контроля (учитель, директор), в современной англоязычной детской поэзии помогает юным читателям легче справляться со школьными проблемами, связанными с иерархическими отношениями, способствует осознанию того, что между миром детей и подростков и миром взрослых нет непреходимых границ, между подростками и взрослыми всегда возможны диалог и взаимопонимание, а решать проблемы и брать на себя ответственность приходится всем, независимо от возраста.

Список источников

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 527 с.
2. Пахомова М. А. Метафоризация аномальных семейных отношений в современной англоязычной детской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 3. С. 48-54.
3. Толочин И. В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 95 с.
4. Толочин И. В. Ценностное суждение как семантическая база поэтического текста // Язык как культурный код нации / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. С. 195-206.
5. Becker J. 10 Reasons to Watch Less Television [Электронный ресурс]. URL: <http://www.becomingminimalist.com/ten-reasons-to-watch-less-television/> (дата обращения: 29.06.2018).
6. Chua C. Top 10 Reasons You Should Stop Watching TV [Электронный ресурс]. URL: <http://personalexcellence.co/blog/top-10-reasons-you-should-stop-watching-tv/> (дата обращения: 29.06.2018).
7. Coats K. "If it rhymes, it's funny": Theories of Humour in Children's Poetry // Poetry and Childhood / ed. by M. Styles, L. Joy, D. Whitley. Stoke on Trent: Trentham Books, 2010. P. 121-129.
8. Coats K. The Meaning of Children's Poetry: A Cognitive Approach // International Research in Children's Literature. 2013. Vol. 6. Iss. 2. P. 127-142.
9. Deignan A. Corpus Linguistics and Metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. by R. W. Gibbs. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2002. P. 280-294.
10. Furness H. Children under 5 should not watch TV alone, Jackanory creator argues [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/culture/tvandradio/9840832/Children-under-5-should-not-watch-TV-alone-Jackanory-creator-argues.html> (дата обращения: 29.06.2018).
11. Have you ever fell asleep in class? What happened? [Электронный ресурс]. URL: https://www.reddit.com/r/AskReddit/comments/2ibqfx/have_you_ever_fell_asleep_in_class_what_happened/ (дата обращения: 12.07.2018).
12. How to Fake a Cough [Электронный ресурс]. URL: <https://oureverydaylife.com/fake-cough-2318464.html> (дата обращения: 11.07.2018).
13. How to Fake a Cough in School [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wikihow.com/Fake-a-Cough-in-School> (дата обращения: 11.07.2018).
14. How to Fake Sneeze [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fakesick.com/how-to-fake-sneeze/> (дата обращения: 11.07.2018).
15. Innes E. Children lose seven minutes of sleep for every hour of TV they watch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/health/article-2607758/Children-television-bedroom-sleep-negative-effect-health.html> (дата обращения: 29.06.2018).
16. Lansky B. Confession [Электронный ресурс]. URL: <http://poetryminute.org/confession-by-bruce-lansky/> (дата обращения: 08.07.2018).
17. Lansky B. My Teacher Loves Her iPod // My Teacher's in Big Trouble: Kids' Favorite Funny School Poems. N. Y.: Scholastic, 2008.
18. Nesbitt K. Bed Head [Электронный ресурс]. URL: http://www.auburn.edu/academic/education/reading_genie/projects/grimesrl.html (дата обращения: 27.06.2018).
19. Nesbitt K. Falling Asleep in Class [Электронный ресурс]. URL: <http://studylib.net/doc/7130533/falling-asleep-in-class> (дата обращения: 10.07.2018).
20. Nesbitt K. I'm Staying Home from School Today [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poetry4kids.com/poems/im-staying-home-from-school-today/> (дата обращения: 11.07.2018).
21. Nikolajeva M. Reading for Learning: Cognitive Approaches to Children's Literature. Amsterdam: Benjamins, 2014. 247 p.

22. **Nikolajeva M.** Recent Trends in Children's Literature Research: Return to the Body // International Research in Children's Literature. 2016. Vol. 9. Iss. 2. P. 132-145.
23. **Orshosky P.** It's Finally Friday // My Teacher's in Big Trouble: Kids' Favorite Funny School Poems. N. Y.: Scholastic, 2008. P. 36-37.
24. **People who watch violent television more likely to be aggressive** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/mediatechnologyandtelecoms/media/9505755/People-who-watch-violent-television-more-likely-to-be-aggressive.html> (дата обращения: 07.07.2018).
25. **Shore D. Z.** Get Out of Bed! [Электронный ресурс]. URL: http://www.funny-poems.biz/school_poems/Get-Out-of-Bed-kids-school-poems-by-Diane-Z-Shore.html (дата обращения: 10.07.2018).
26. **Today, I fell asleep in class...** [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmylife.com/article/today-i-fell-asleep-in-class-i-m-the-teacher-i-ve-already-given-students-detention-for-falling-as_146115.html (дата обращения: 12.07.2018).
27. **What do professors think of students who fall asleep in class?** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.quora.com/What-do-professors-think-of-students-who-fall-asleep-in-class> (дата обращения: 12.07.2018).
28. **Why do some parents park their children in front of the TV?** [Электронный ресурс]. URL: <https://answers.yahoo.com/question/index?qid=20061218100024AABwLg&guccounter=1> (дата обращения: 29.06.2018).

CARNIVALIZATION OF RELATIONS "TEACHER-STUDENT" IN THE ENGLISH-LANGUAGE CHILDREN'S POEMS ABOUT SCHOOL

Pakhomova Marina Aleksandrovna
The Anglo-American School, St. Petersburg
marinapakhomova@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of carnivalization as one of the main mechanisms for metaphors creation in children's poetry in the cognitive aspect. The paper uses a relatively little-known, but promising method for analysing metaphors in language and text using semantic bases. The main objectives of the work are the classification and analysis of the contexts for carnivalization use in the poems of the modern American poets about school. As a result of the study, the author comes to the conclusion that in children's poetry, in addition to the purely aesthetic function, the use of the metaphors based on the carnivalization principle performs didactic, psychotherapeutic and socializing functions.

Key words and phrases: English-language poetry; modern children's poetry; carnivalization; poems about school; metaphor; semantic base; cognitive theory of metaphor.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 30.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-3.7>

В статье рассматриваются духовные стихи на евангельские сюжеты, посвященные эпизодам земной жизни Христа и Богородицы и распространенные в рукописной традиции коми крестьян-старообрядцев верхней Вычегды в конце XIX – XX в. Данные тексты, написанные на коми языке, являются переводами с русских источников и отражают интерес коми книжников к текстам апокрифической направленности, которые подробнее канонических текстов освещали отдельные евангельские события. Народная вера в заступничество Христа и Богоматери, являющихся центральными образами христианского вероучения, была основана не только на представлениях об основных моментах миссии Спасителя – его подвиге, страданиях, карающей силе, но и затрагивала тему милосердия, по большей части связанную с образом Богоматери.

Ключевые слова и фразы: верхняя Вычегда; коми рукописная традиция; крестьянские книжники; старообрядческая литература; духовные стихи.

Прокуратова Екатерина Владимировна, к. филол. н., доцент
Сыктывкарский государственный университет имени Путьирима Сорокина
eprokuratova@yandex.ru

ДУХОВНЫЕ СТИХИ НА ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СЮЖЕТЫ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ КРЕСТЬЯН ВЕРХНЕЙ ВЫЧЕГДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Коми № 17-14-11004 а(р).

Духовные стихи, получив широкое распространение в общерусской рукописной традиции, продолжали свое дальнейшее развитие в среде последователей старой веры. Эти тексты, принадлежащие к устной и письменной традициям, нередко включали в себя сюжеты и образы Священного Писания и зачастую подробнее канонических текстов освещали отдельные ветхозаветные и евангельские события.

Для исследователей духовные стихи представляют интерес не только как явление народного творчества, но и, по словам Г. П. Федотова, как «один из многочисленных источников для изучения народной веры» [14, с. 123]. В духовных стихах обнаруживаются следы освоения народом идей христианского вероучения, воплощение народного представления о мире, человеке и Боге.

Широкое распространение в старообрядческой рукописной традиции получают духовные стихи на евангельские сюжеты, рассказывающие о земной жизни Христа и Богородицы, времени и обстоятельствах их кончины